

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 161–172.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 3 (88):161–172.

Научная статья

УДК 821.161.1-31.09"19"

DOI 10.37724/RSU.2025.88.3.015

**Архангелогородский локальный текст
в повестях И. Д. Полуянова «Седьмой патрон»
и С. Н. Лойченко и К. М. Попова
«Ребята с Гайдаровской улицы»**

Алёна Владимировна Давыдова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия
a.davidova@narfu.ru

Аннотация. В статье впервые анализируется архангелогородский локальный текст на материале художественных произведений, предназначенных для детского чтения. Цель работы — анализ архангелогородского текста в повестях И. Полуянова «Седьмой патрон» (1981), С. Лойченко и М. Попова «Ребята с Гайдаровской улицы» (1987). Автор выявляет элементы городского текста в произведениях, определяет специфические, связанные с историческим временем и видением писателей особенности образа Архангельска в повестях; характеризует свойственные для обоих текстов и Северного текста в целом черты столицы Поморья. Особенности архангелогородского текста в изученных произведениях обусловлены характером изображаемых исторических событий (Гражданская война у И. Полуянова и Великая Отечественная война у С. Лойченко и М. Попова), образом рассказчика (его принадлежностью к эпохе, личным опытом, отношением к прошлому и настоящему, проблемами взросления и пр.), жанрово-композиционными особенностями (воспоминания, дневник). Типологическими, сближающими тексты чертами становятся изображение города на переломе эпох; бинарные смысловые оппозиции, реализующиеся на уровне хронотопа; связь с темой детства героя и жанром повести-воспитания; актуализация значимых пространственных элементов городского текста категорией прошлого; устойчивые для обеих повестей мотивы памяти и преемственности поколений как знаки северорусской идентичности. Теоретическая значимость исследования состоит в апробации интегративного подхода к изучению произведений регионального сверткста и репрезентации малоизученного художественного материала. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использовать ее результаты при дальнейшем изучении детского текста, городского текста и Северного текста русской литературы.

Ключевые слова: архангелогородский локальный субтекст, городской текст, С. Н. Лойченко, М. К. Попов, «Ребята с Гайдаровской улицы», И. Д. Полуянов, «Седьмой патрон», северный текст русской литературы для детей.

Для цитирования: Давыдова А. В. Архангелогородский локальный текст в повестях И. Д. Полуянова «Седьмой патрон» и С. Н. Лойченко и К. М. Попова «Ребята с Гайдаровской улицы» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 161–172. DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.015.

Original article

**Arkhangelsk context in the stories *The Seventh Cartridge*
by I. D. Poluyanov and *The Boys from Gaydar Street*
by S. N. Loychenko and K. M. Popov**

Alena Vladimirovna Davydova

M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia
a.davidova@narfu.ru

Abstract. The present article is the first to analyze local texts from Arkhangelsk that are based on fiction works intended for children. The aim of this work is to analyze texts from Arkhangelsk in the stories *The Seventh Cartridge* by I. Poluyanov (1981) and *The Boys from Gaydar Street* by P. Loychenko and M. Popova (1987). The author identifies elements of urban text in both works, determining specific features of the image of Arkhangelsk in the stories related to history and to the authors' vision, and characterizes the features of the Pomorye capital city that are common to both texts and to the Northern text as such. The peculiarities of the Arkhangelsk text in the works are determined by the nature of the depicted historical events (Russian Civil War in I. Poluyanov's book and the Great Patriotic War in the story written by P. Loychenko and M. Popov), the image of the narrator (his historical affiliation, personal experience, attitude to the past and present, to issues of growing up, etc.), and genre and compositional features (memoirs or diary). The typological features that bring the texts closer together include a depiction of the city at the turn of eras, binary semantic oppositions realized at the level of chronotope, connection with the theme of childhood and the genre of the coming-of-age story, actualization of significant spatial elements of the urban text through the category of the past, and the motifs of memory and generational continuity that are consistent in both the books as signs of North Russian identity. The theoretical significance of the study lies in the conducted testing of an integrative approach to the study of works of regional supertext and the representation of insufficiently studied fiction material. The practical significance of the work is due to the possibility of using its results in further studies of children's fiction, urban texts, and Northern texts in Russian literature.

Keywords: Arkhangelsk regional subtext, urban text, S. N. Loychenko, M. K. Popov, "The Boys from Gaydar Street," I. D. Poluyanov, "The Seventh Cartridge," northern text in Russian literature for children.

For citation: Davydova A. V. Arkhangelsk context in the stories *The Seventh Cartridge* by I. D. Poluyanov and *The Boys from Gaydar Street* by S. N. Loychenko and K. M. Popov. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 3 (88):161–172. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.015.

Введение

Городской текст является актуальным предметом изучения в отечественной филологии начиная с середины XX века. Именно с его осмысления в трудах Н. П. Анциферова, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана когда-то и начала развиваться теория свехтекста. В современной филологической науке интерес к городскому тексту не ослабевает.

Изучается городской текст как лингвистами (Е. Н. Пугачёва [Пугачёва, 2022], Т. А. Степаненко [Степаненко, 2023] и др.), так и литературоведами. Необходимо назвать общетеоретические работы, в которых систематизируется накопленный в науке опыт по изучению проблемы и уточняются подходы к определению и изучению городского текста. К сущности понятия «городской текст» обращаются Т. В. Падун [Падун, 2018], Л. Н. Набилкина [Набилкина, 2024] и др. Семиотика городского текста становится предметом изучения в работах Н. В. Барахановой [Бараханова, 2021], А. В. Кузнецовой и И. А. Петрулевич [Кузнецова, Петрулевич, 2019] и др. Особое внимание структуре городского текста, специфике исследования ее элементов уделяют В. Г. Фоменко [Фоменко, 2019], Г. В. Урванцев [Урванцев, 2016]. Вслед за В. Н. Топоровым Н. Л. Потанина и М. А. Гололобов справедливо определяют «текст города в литературном произведении как совокупность личностно-биографических, историко-культурных, топографических, топонимических, ландшафтных, климатических и др. урбанистических элементов, которые детерминируют процесс порождения художественных образов» [Потанина, Гололобов, 2012, с. 35].

Ряд работ посвящен обоснованию и изучению конкретных городских текстов (труды А. Е. Петровой [Петрова, 2022], И. Ю. Кудиновой [Кудинова, 2012], Р. Р. Валиуллина [Валиуллина, 2020], С. Е. Ноевой (Кармановой) [Ноева (Карманова), 2021], [Карманова (Ноева), 2020] и др. Среди подобных исследований для нас особенно значимы работы, посвященные архангелогородскому тексту, теория которого только формируется в литературоведении. В широком понимании городской текст Архангельска определяют в своих трудах культурологи, историки и фольклористы, чьи выводы ценны для осознания северорусской идентичности образа столицы Поморья (Л. Д. Попова [Попова, 2016], А. Н. Соловьева, Т. А. Соловьева [Соловьева, Соловьева, 2019]; Н. В. Дранникова [Дранникова, 2006] и др. Однако литературоведческих исследований по архангелогородскому локальному тексту немного. Так, интересны замечания В. А. Лимеровой о формировании идентичности образа Архангельска в творчестве М. Ф. Истомина «путем переноса на его образ главных мифологем петербургского панегирика» [Лимерова, 2012, с. 97]. Сквозь призму автобиографических мотивов в поэзии В. Беднова рассматривает образ Архангельска

Е. Ш. Галимова [Галимова, 2012]. К сверткостекстовой природе архангелогородского текста выходит на примере анализа различного художественного и публицистического материала в своих исследованиях А. С. Антипина (Дымченко) [Антипина, 2015 ; Антипина, 2016 ; Дымченко, 2019].

К сожалению, мы не встретили работ, которые были бы посвящены изучению архангелогородского локального текста на материале детской литературы. Большинство существующих исследований по детскому тексту в интересующем нас аспекте только намечают методологические перспективы рассмотрения городского текста в произведениях, ориентированных на восприятие читателя-ребенка (П. В. Королькова [Королькова, 2020], Е. А. Асонова [Асонова, 2017], Н. А. Тулякова и И. А. Крылова [Тулякова, Крылова, 2022]). Таким образом, изучение архангелогородского текста на материале детского текста можно считать актуальной для современного литературоведения проблемой.

Целью данной работы является анализ архангелогородского текста в повестях И. Полуянова «Седьмой патрон» и С. Лойченко и М. Попова «Ребята с Гайдоровской улицы». Задачи нашего исследования — выявление элементов городского текста в произведениях; определение специфических, связанных с историческим временем, с одной стороны, и авторским видением — с другой, особенностей образа Архангельска в повестях писателей; характеристика типологических, свойственных для обоих текстов и Северного текста в целом черт города.

Материалом исследования стали повести северных писателей И. Д. Полуянова «Седьмой патрон» (1981) и С. Н. Лойченко и К. М. Попова «Ребята с Гайдоровской улицы» (1987), воссоздающие образ Архангельска в сложные исторические периоды Гражданской войны и Великой Отечественной войны. Полагаем, что обращение к переломным для национальной истории эпохам позволяет авторам особенно точно передать черты города, его самобытную идентичность.

Специфика художественного материала определяет и подход к его рассмотрению. В целом мы будем ориентироваться на интегративный метод исследования, обоснованный в трудах Е. Ш. Галимовой, в которых изучается Северный текст русской литературы [Галимова, 2012]. Его частью и является архангелогородский локальный текст. Этот метод предполагает соединение разных видов литературоведческого анализа (хронотопического, системно-семантического, мифопоэтического, мотивного) с элементами геопоэтического подхода. Последний актуализируется самой структурой городского текста, о которой в статье убедительно пишут Н. Л. Потанина и М. А. Гололобов: «Структурность “городского текста” проявляет себя во внутренней диалогичности и иерархичности урбанистических знаков. Из элементов природной сферы формируются климатически-метеорологический... и ландшафтный... знаки городского текста. Будучи структурным целым, городской текст представлен образами людей (персонажами) и предметами вещного мира, он разворачивается в пространстве (от периферии к центру, в экстерьере и в интерьере) и во времени (в ретроспективе и перспективе)». Кроме того, влияние городского дискурса проявляется в том, что «компонентами городского текста становятся художественно осмысленные архитектурные, ландшафтные, топографические, топонимические, социально-культурные и иные урбанистические реалии» [Потанина, Гололобов, 2012, с. 36].

Основная часть

Архангелогородский текст в повести И. Д. Полуянова «Седьмой патрон»

Главным героем повести И. Д. Полуянова «Седьмой патрон» является пятнадцатилетний архангелогородец Сергей Едемский, который спустя годы вспоминает драматичную историю своего участия в Гражданской войне. Центральным топосом при этом становится Архангельск 1918 года и его окрестности. В восприятии города рассказчиком сочетаются черты дореволюционного прошлого и послереволюционного настоящего: Гражданская война для героя становится временем, с позиции которого ясно ощущается и первое и второе, правда, Сергей в силу возраста не сразу способен определить, старый или новый мир ему ближе.

Дореволюционный Архангельск представлен в воспоминаниях героя о недавнем прошлом и подчинен социальному контрасту «богатые — бедные». Представителем первых является Зосима Савватьевич Зотов — крестный Сергея. Его особняк в Соломбале «окружен зеленью: сирень, акации. На задах большой огород с парником, развалины старых хозяйственных построек...» [Полуянов, 1981, с. 21]. В главе «Рыжая епархиалка» упоминается его имущество, реквизируемое

ное большевиками: «паи в фирмах и пароходстве, дом на Поморской — внизу трактир, вклады в банках...» [Там же, с. 21]. Купец причисляет себя к лучшим людям России, которые сами «жили и другим жить давали», «опоре, становому хребту державы» [Там же, с. 22], и прочит скорую гибель большевикам. Не меньше отца ненавидит новую власть его дочь Глафира Изосимовна — «либавская вдова», муж которой, флотский офицер, погиб во время восстания матросов. Осколками дореволюционной жизни в повести являются и «дылда-семинарист», «на лето приехавший к родне на улице Шотландской» [Там же, с. 26], и бывший белый офицер Штимец, бандит и убийца, обманывающий Сергея, притворяющийся портовым грузчиком с Бакарицы...

Поначалу герою, представителю бедноты, трудно поверить, что многие из подобных людей — его враги, поскольку они искусно притворяются, да и сам рассказчик почти привык к социальной несправедливости (ему неловко на рождественском балу в Ольгинской гимназии, когда приглашенная им на танец девочка отказывает ему, так как знает, что он сын прачки и носит в ее дом чистое белье [Там же, с. 56]). Социальный контраст дореволюционного мира проявляется и в пространстве Архангельска. Богатые горожане обитают в центре города — в особняках на Троицком проспекте и в Немецкой слободе, в которые рассказчик со стороны черного хода разносит постиранное матерью белье. Удел бедняков — задворки: «Дровяники, сарай впритык. Теснотища» [Там же, с. 47]. Герой вспоминает: «Я родился, собственно, в “Шанхае” — загородном скопище лачуг. Дно — ниже некуда» [Там же, с. 35].

Пространственной приметой старого Архангельска является и разделение города на слободы — районы, где люди селились не только по степени обеспеченности, но и по роду занятий. Так, Зотов живет в Соломбале — морской слободе: «Изучена в Соломбалу дорога: к улице Пермской, дальше через Кузнечевский мост, мимо лесопилки Макарова, вдоль забора судоремонтных мастерских. Напротив каменной громады Флотского полуэкипажа... Лавка Файзулина заперта. На замке кондитерская Швевке... Кино “Вулкан” день открыт, два закрыт... Шуршит на деревянных мостовых сбита в бурю листва тополей. Мачты, тут и там мачты за крышами домиков обозначают безлюдные причалы. Соломбала — корабельная сторона, слобода моряков» [Там же, с. 20]. В 1918 году родной для рассказчика город словно существует на границе устоявшегося (привычны дорога в Соломбалу, деревянные мостки, тополя, мачты, причалы) и нового (некогда оживленный район кажется герою опустевшим, непривычно тихим).

Родной для Сергея становится Стрелецкая слобода, куда отец с Пинежья привез деревянный сруб их дома. Семейная легенда Едемских гласит, что их род происходит от стрельцов: «Едемские — мы родовитей Пецев и Фишманов, из стрельцов мы, и этот город зачинали!» [Там же, с. 56]. Осознание своей неразрывной связи не только со своим родом, но и с Архангельском важно для становления личности Сергея, который принимает на себя ответственность за спасение золота большевиков (дело, начатое отцом), будущее своего города, Севера и всей страны. Начало такому выбору было положено в Стрелецкой слободе Архангельска, «в домике... возле козьего выгона» [Там же, с. 5].

Архангельск времен Гражданской войны показан как важный политический центр, за который борются разные силы. Героями повести И. Полуянова становятся реальные исторические деятели: П. Виноградов, М. Кедров, Н. Чайковский, Викорст, Чаплин и др. Внешний приключенческий сюжет связан с историей переброски золотого запаса большевиков на барже по реке из Архангельска до Вологды. Глава, рассказывающая о захвате власти белогвардейцами и интервентами («Архангельск, 2-е августа») написана от лица автора. И. Полуянов вводит в повесть тексты агитационных листовок интервентов и большевиков [Там же, с. 101], в деталях описывает падение Мудьюга, расстрел мирных жителей, которые пытались эвакуироваться из города [Там же, с. 100].

Таким образом, в повести И. Полуянова дореволюционный и послереволюционный миры в пространстве Архангельска 1918 года сосуществуют в сознании рассказчика и автора. Первый свое ощущение отразил в образном сравнении: «Приметил я однажды за Юросом красную смородину... нарезал я черенков. Посадил в огороде. Принялись по весне пруточки, зазеленели. Одна беда: стала крапива одолевать. Взялся пропалывать, но... вместе с крапивой выдергивается и смородина... Корнями они переплелись... корнями!» [Там же, с. 39]. Это природосообразное сравнение помогает понять сложность русской жизни в переломный исторический момент, когда одна эпоха еще не ушла окончательно, а другая еще не вступила в свои права. Чтобы в такой период сделать правильный нравственный выбор, человек должен ориентироваться на вечные, вневременные ценности.

В пространстве Архангельска в повести И. Д. Полуянова имеются подобные ориентиры, устойчивые для города черты, которые во все времена определяют для рассказчика его характер. Такими категориями для Сергея, генетически связанными с родным городом, становятся семья, любовь, природа.

Едемские — коренные северяне. Четверо детей Алексея Николаевича и приемная Вирина растут работающими, как и родители. Образ матери конспективен. Она для Сергея — воплощение русской красоты. Неслучайно, создавая ее портрет, автор использует цитату из сказки А. С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»: «На маме кашемировая шаль, тугой узел волос убран под чепец. “Белолица, черноброва...” Кокошник бы ей с жемчугами, душегрейку соболью — всей статью истая барыня! Очи с паволокой, ямочки на щеках, волосы как шелк. Старшим дочерям она точно сестра» [Там же, с. 37]. Сказочная красота матери контрастирует с «обезображенным» [Там же, с. 37] в пожаре лицом отца.

Именно отец становится особо значимым человеком для Сергея. Рассказчику он «живо напоминает стрельца с картины Сурикова “Утро стрелецкой казни” — того, что держит свечу в руке, ненавидяще глядя на царя» [Там же, с. 37]. Алексей Едемский «щепетилен» [Там же, с. 36] и порядочен. Он опытный шкипер, которому доверили организационную работу в порту и большевистское золото. Быть рядом с отцом, строгим и любящим, — особая радость для Сергея. Он вспоминает их поход на глухариный ток, где «все у них на двоих...» [Там же, с. 36]. Помогая отцу, Сергей учится быть ответственным, по-настоящему понимать правду революции. Гибель Алексея Николаевича в госпитале от ран становится невосполнимой потерей для молодого человека и поводом «предъявить счет старому миру» [Там же, с. 121].

Еще одной вечной категорией, устойчиво связанной в сознании рассказчика с Архангельском, является любовь. Избранницей героя становится ученица Ольгинской гимназии Таня. Интересно, что, как и с образом матери, с ней связан пушкинский интертекст: глава, посвященная Тане, называется «Капитанская дочка» [Там же, с. 54]; имя девушки созвучно имени любимой героини поэта из романа «Евгений Онегин». Образ Тани природосообразен: «В беличьей шубке и меховой шапке-лопарке Таня напоминала мне вербушку» [Там же, с. 57]. Характерное фольклорное сравнение девушки с деревцем делает образ Тани национальным.

Манит к себе героя дом девушки «на Новгородском проспекте. Снег скрипел, падали от окон блинчики света... Раз нашел дома на чердаке мороженую рябину и ночью развесил... на ветвях: пусть к Тане летают снегири. Синие вечера, дыхание морозного снега и калитка в палисаднике — это мое. То, что никто не отберет» [Там же, с. 57].

Не отберет никто у героя, сына шкипера, и Двинской простор. Он, которому «мечталось плыть и плыть» [Там же, с. 6], грезит, как все архангелогородские мальчишки, о море. Поначалу для подростка это игра, похожая на сюжет его любимого романа «Остров сокровищ», осознание сложности настоящей поморской жизни приходит, когда Сергей с младшими сестрами терпит кораблекрушение на реке во время шторма — «падеры» [Там же, с. 13] близ острова Хабарка. Шторм и гибель карбаса по вине Штимеца становятся завязкой сюжета и своеобразной метафорой Гражданской войны, невольным участником которой оказывается герой. Как погодой на северной реке управляет беломорский ветер («Море далеко. И рядом: для ветра — всего порыв. Студеное море. Штормовое» [Там же, с. 13]), так и судьбой человека управляют ветра истории.

Двина, которая «носит сотни судов» [Там же, с. 113] и является неотъемлемой частью городского пейзажа Архангельска, соединяет его с другими северными поселениями. В тексте с образом реки связан хронотоп пути: по ней, как по дороге, идут «караваны судов» [Там же, с. 51]; небо над ней и «ширь воды» обещают герою приключения. Четко называя этапы пути и указывая географические детали, рассказчик словно отмеряет вехами расстояние: «Лявля: зеленые берега. Деревянная шатровая церквушка» [Там же, с. 51]; «Трипузово с его опасными перекатами» [Там же, с. 51]; «ни одной лесной биржи не минуем» [Там же, с. 64]; Котлас — «город, но в нем сплошь бревенчатые постройки. Вдоль берега — суда и суда...» [Там же, с. 102]; Устюг («Улицы, мощенные булыжником, лавки, трактиры, особняки с чугунными решетками балконов. Церкви и соборы... Седой стариной веяло от источенных временем камней» [Там же, с. 115]). В пространстве художественного мира повести образ северной реки помогает раскрыть образ Архангельска как элемент Севера в целом: в родном городе рассказчика так же неспокойно, как и во всем регионе и во всей стране.

Путешествие по Северной Двине с опасной миссией постепенно уводит героя из города его детства, о чем свидетельствует и эпиграф к повести, взятый из романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ». Реальная жизнь с Гражданской войной заставляет Сергея и Вирку быстро

повзрослеть. Чем больше расстояние между героями и Архангельском, тем серьезнее и ответственнее становится их отношение к жизни, тем страшнее потери. В финале повести «в конце пути» [Там же, с. 121] в Крыму в 1920 году от шальной пули погибает Виринея. И. Полуянов обрывает повествование как тяжелое воспоминание героя, воспоминание о трудном детстве, выпавшем на годы Гражданской войны.

*Геопоэтика пространства города в повести
С. Лойченко и М. Попова «Ребята с Гайдаровской улицы»*

Образ Архангельска становится центральным в повести С. Лойченко и М. Попова «Ребята с Гайдаровской улицы» (1987). На память места указывает уже название произведения, которое содержит аллюзию: улица Гайдара — не только одна из центральных улиц современного Архангельска, но и отсылка к повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда», давшей начало тимуровскому движению в СССР. Герои повести — Юра Парамонов, его друг Валера Сеничев и их одноклассники — тоже тимуровцы, занимающиеся общественной работой. Их жизнь проходит в пространстве Архангельска второй половины 1980-х годов. Однако образ города у С. Лойченко и М. Попова выстраивается в двух временных плоскостях: облик Архангельска конца XX века дополняется образом города дореволюционного и особенно — времен Великой Отечественной войны.

Повествование в произведении ведется от 1-го лица Юры Парамонова, который создает своеобразный дневник (с января по май), рассказывая о событиях школьной и семейной жизни, перипетиях взаимоотношений с одноклассниками, первой любви к Тане Тихоновой, поисках автора записок 1940-х годов, случайно оказавшихся в его руках. Однако личный дневник подростка становится своеобразным документом эпохи, в которой уже обозначается временной слом: школьники все еще собирают макулатуру, носят пионерские галстуки, помогают колхозу, но уже чувствуется влияние западной культуры: Лариска Лазарева, отец которой моряк, «снабжает девчонок... “фирмой”» [Лойченко, Попов, 1987, с. 37]; Стасик Хвиузов под предлогом общественной работы в пионерском отряде — организации школьных дискотек — «в радиоузле переписывает по чьему-либо заказу фирменные диски» [Там же, с. 6]. Противопоставление этих персонажей Юре Парамонову в повести определяет нравственно-психологический конфликт произведения.

На антитезе выстраивается и пространственный образ Архангельска 1980-х годов. Авторы противопоставляют Варавино — окраину города, бывшую деревню и центр. Юра с аммой недавно переехали с Варавино и мальчику пришлось перейти в новую школу на «Гайдаровской улице». Мальчик считает себя чужим в новом коллективе, бунтует, не желая подчиняться требованиям старосты и председателя совета отряда. Противопоставлены в тексте город и его окрестности — близлежащий колхоз на левом берегу Северной Двины и остров Кегостров.

В «большое село» [Там же, с. 19] школьники из Архангельска приезжают на заготовку еловых веток — корма для скота. Антитеза деревни и города выражена через диалог пожилой крестьянки и Лазаревой. Первая упрекает школьницу: «Форсисто оделась, деушка. Не жалко? Али волков решила поугатать?» [Там же, с. 19]. Автор не только подчеркивает иронию опытного человека по отношению к желающей выделиться девочке, но и акцентирует внимание на речевой характеристике: деревенская жительница говорит с явными фонетическими особенностями северорусского говора («деушка», «оканье»), использует диалектные разговорные формы («форсисто», «али» [Там же, с. 19]). Лариска, горожанка, уверенная в силе денег своего отца, отвечает с вызовом, ее речь не имеет ярко выраженных региональных особенностей. Авторы противопоставляют не просто представителей разных поколений, но и скромную, мудрую трудовую деревню, символом которой является «засаленный ватник» женщины [Там же, с. 19] и «форсистый» город, обозначенный модным красно-белым комбинезоном Лариски, «резавшим глаза» [Там же, с. 19].

Противопоставлен Архангельску и Кегостров, куда герои отправляются в поисках бывшего летчика Антона Полетаева. Как и в случае с селом, границей между городом и островом становится река Северная Двина. Юра и Валера преодолевают реку зимой по ледовой переправе. Авторы не дают подробной характеристики острова, упоминая только «высокие сугробы» [Там же, с. 71], в которых утопают заборы, и аэродром. Последний, ставший историей в наши дни, является причиной, по которой Антон Иванович, единственный из его однополчан, остался на Кегострове: «Я единственный, кто не может без рокота аэродрома» [Там же, с. 73]. Профессия летчика неотделима от личной жизни героя, поэтому он предпочитает остров посреди реки более комфортному областному центру.

Образ Архангельска 1940-х годов воссоздается в тексте постепенно через включение в структуру дневника героя иных повествовательных жанров, в основе которых установка на документальность. Так, образ военного Архангельска возникает в девичьих дневниках Катерины Павловны Глебовой, которые Юра и Валера находят в старом заброшенном доме, куда приходят в поисках макулатуры. «Наполовину сломанный дом», у которого «крыша снесена, рамы выставлены, а из проемов доски торчат» [Там же, с. 8], представлен как типичное явление в Архангельске 1980-х годов, где активно ведется строительство современных многоэтажек («Много сейчас таких домов в Архангельске» [Там же, с. 8]). Юра замечает, что ему «почему-то жаль, когда их ломают» [Там же, с. 8]. Он вспоминает разрушенный старинный особняк в их квартале, который бабушка называла «хоромами»: «Крыша круглая... а над ней флюгер железный. Мне так хотелось этот флюгер спасти» [Там же, с. 8–9]. Ощущение ценности старинной красоты, ее непохожести на однотипный комфортный мир современности у героя оказывается все же бессильным против стремления этого мира отвоевать себе место для жизни. Бессознательно чувствуя редкую красоту и хрупкость прошлого, Юра стремится в старый дом, который доверчиво открывает ему свои тайны.

В комнате-«светелке» с обоями «светлыми в мелкую крапинку» [Там же, с. 9] и «тщательно вымытым», «покрытым светло-желтой краской» [Там же, с. 9] полом друзья словно обретают портал в пространство прошлого их родного города. В нише под подоконником друзья находят дневник девочки 1940-х годов, который становится ценным источником информации о жизни Архангельска времен Великой Отечественной войны. Дневник Екатерины Глебовой начинается с января 1941 года и заканчивается 10 июля 1944 годом. Девочка описывает страшные бомбардировки города в конце лета — осенью 1942 года: «24 августа. Сегодня ночью Архангельск бомбили... сгорело много домов, особенно на Быку. Всю ночь пылали канатная и трикотажная фабрики» [Там же, с. 13]. Авторы упоминают часть города, расположенного южнее улицы Смольный Буян; название «на Быку» связано с именем деревни Бык, находившейся когда-то при въезде в город. Пострадали, по замечанию писателей, во время первой бомбардировки 1942 года и канатная фабрика Клафтона, известная еще до революции и располагавшаяся на углу современных улиц Логинова и проспекта Ломоносова, и трикотажная фабрика, также существовавшая на территории города. Интересно, что девочка 1940-х годов все еще помнит названия городских топосов, сейчас известные только старожилам и краоведам.

После возвращения из поездки на станцию Тимме (Плесецкий район Архангельской области), где Катя осенью 1942 года месяц помогает колхозу и ухаживает за ранеными в госпитале, девочка не может узнать свой город: «За месяц Архангельск очень изменился. Много домов сгорело. На улицах Пролетарской, Карла Маркса, Энгельса одни пепелища... А возле Большого драматического театра лежит разбитый немецкий бомбардировщик» [Там же, с. 31], сбитый над Белым морем. Героиня упоминает главным образом центральные улицы Архангельска. Это говорит о том, что старый дом, ставший порталом в прошлое для Юры и Валеры, видимо, также находился между современной улицей Гайдара и площадью Ленина.

Период с августа 1942 по июль 1944 года насыщен для героини трагическими событиями: умирает ее мама, во время бомбежки в поезде погибают друзья, мобилизованные «на восстановительные работы в освобожденные районы Белоруссии» [Там же, с. 41], приходит ложное известие о гибели Полетаева, а сама героиня, окончив «курсы сандружинниц» [Там же, с. 41], добровольно уходит на фронт. Показательно, что Юра и Валера долгое время не знали, как зовут автора дневника, что делает опыт Кати близким мальчикам, ведь герои — дети из разных эпох — примерно ровесники, и в то же время указывает на типичность опыта девушки.

Вместе с тем опыт детей и молодежи 1940-х годов индивидуален, о чем свидетельствуют их воспоминания, которые становятся еще одним жанром, помогающим увидеть прошлое. В тексте повести представлены воспоминания Екатерины Павловны Глебовой, Антона Ивановича Полетаева, летчика, которого она девчонкой выходила в госпитале, и Анны Тимофеевны, которая с 1947 года проживала в «комнате-светелке» старого дома. Так, Полетаев тоже рассказывает о бомбардировках Архангельска в августе 1942 года. Герой во время налета немцев помогает тушить крышу кинотеатра «Арс» на «углу Логинова и Попова» [Там же, с. 75]. Для Полетаева это особое место, где он «“Чапаева” смотрел, “Путевку в жизнь”, “Семеро смелых”» [Там же, с. 76]. Герой вместе с другим военным гасит зажигалки и сбивает огонь с крыши, а потом приводит себя в порядок в доме нового знакомого. Позже, «пересекая Павлиновку» [Там же, с. 76] и направляясь к парому, герой с ужасом наблюдает, как во время следующего налета «вспыхнул тот дом, в котором он минуту назад... чаевничал» [Там же, с. 76], как «ударило... там, где сей-

час Дом офицеров и кирпичные ясли» [Там же, с. 76], и «от взрыва фугаски рухнул ближний дом» [Там же, с. 76]. Рассказ Полетаева производит на Юру сильное впечатление, поскольку в упомянутые ясли он отводит соседского мальчика, а в Дом офицеров ходит с друзьями в кино. Благодаря рассказу ветерана мальчик понимает, что в Архангельске, в тылу, было «жарче, чем на фронте» [Там же, с. 75], и чувствует свою ответственность за передачу этих знаний младшему поколению: «Кто же им расскажет об этом?» [Там же, с. 77].

Анна Тимофеевна вспоминает об Архангельске 1940-х годов с позиции труженицы тыла: потеряв в 1943 году на фронте мужа, она из барака с пятилетним сыном переезжает в «комнату-светелку». Фотографии, которые героиня показывает Юре и Валере, воссоздают историю героического труда женщин в тылу: Анна Тимофеевна работала на ЛДК имени Ленина в водном цехе, ворочала тяжелые бревна пудовым ломом, стоя в воде; трудилась кочегаром на пароходе; в голодное время сдавала кровь, чтобы поднять сына. Героиня рассказывает о голоде в военном Архангельске: «А голодно жилось. Особенно зимой. Хлеба — с твою ладошку... Одной тюленьиной вонючей... питались... Слез было много... не то что хлеба. И умоешься ими, и наешься» [Там же, с. 59–60]. Но, даже голодая, горожане старались сохранить свое достоинство перед союзниками. Героиня вспоминает, как ей снилась буханка хлеба, которую бросил на пирс американский моряк и от которой она с подружками отказалась, «дескать сыты» [Там же, с. 60].

Еще одним документальным жанром, который в повести С. Лойченко и М. Попова помогает создать образ военного Архангельска, является газетная заметка. Дневник Екатерины Павловны обернут в «первую страницу “Северного комсомольца”» [Там же, с. 42] от 27 июня 1941 года, в котором говорится о том, что «девушки-комсомолки Ломоносовского района записываются в санитарную дружину» [Там же, с. 42]. Из архивного номера газеты Карельского фронта из статьи «Ночной таран над городом Н.» Юра узнает о подвиге Антона Полетаева, который в одиночку в небе сражался с немецким Хейнкелем, бомбившим город.

Помимо заметок в реальных газетах важными источниками информации в повести служат материалы школьных стенгазет. Так, к 23 февраля ученики готовят материалы, посвященные военной истории Архангельска. Таня Тихонова рассказывает о своем дедушке, который «во время войны служил на кораблях, охранявших караваны транспортных судов, и в одном бою от взрыва бомбы потерял ногу» [Там же, с. 47]. Мамыкин печатает хронику жизни Архангельска 1940-х годов, в которой особое внимание обращает на роль детей и молодежи в жизни города: вспоминается комсомольский воскресник 17 августа 1941 года, средства от которого были отправлены в Фонд обороны; создание Соловецкой школы юнг в мае 1942 года; отправление в июле этого же года молодежной промысловой экспедиции на архипелаг Новая Земля для заготовления яиц и тушек кайры для спасения голодающего Архангельска; массированные налеты фашистов на город в августе — сентябре 1942 года и героическая работа горожан (четырнадцатичасовой труд под ростков на Соломбальском механическом заводе, где производили фугасные бомбы).

И, наконец, важную информацию о жизни Архангельска и Севера во время Великой Отечественной войны юные герои получают, когда обращаются в музей авиации Севера. На 112-м автобусе Юра и Валера добираются до поселка Талаги, где на противоположной стороне от аэропорта, в здании гостиницы находится музей. Там друзья узнают, что первый аэродром в Архангельске открылся в 1929 году «на Двине, где сейчас яхт-клуб» [Там же, с. 65]. «Пожилой экскурсовод в летной форме» [Там же, с. 66], сам служивший на Карельском фронте, в итоге развеивает миф о героической гибели Полетаева.

Таким образом, в повести С. Лойченко и М. Попова образ Архангельска прошлого раскрывается более подробно, чем город конца XX века. Автор стремится показать столицу Поморья 1940-х годов с разных ракурсов, чтобы и через частные судьбы людей, и через реальные исторические документы воссоздать объективную картину ее жизни в годы Великой Отечественной войны.

Соединяет две пространственно-временные ипостаси образа Архангельска в повести мотив памяти. Значимый для Юры взрослый — сосед-геолог дядя Володя — сравнивает память о прошлом с процессом обогащения руды: «Это когда не очень насыщенную породу соединяют с чистым металлом. Так вот: наши деды и отцы — это чистый, закаленный в горниле войны металл, это наш истинный обогатитель...» [Там же, с. 55]. О необходимости чуткого отношения к прошлому и его свидетелям говорит в финале и сын Анны Тимофеевны, капитан I ранга, очень похожий на своего погибшего на Великой Отечественной войне отца и служащий там же, где тот погиб — в Североморске. Сергей благодарит Юру и Валеру за помощь его маме, чувствуя, что ребята словно подхватили эстафету памяти, что авторы подтверждают и особенно-

стями композиции: дневник девочки из 1940-х годов отражается в дневнике мальчика из 1980-х годов. Кроме того, в тексте используется прием сюжетной симметрии (например, эпизод из детства Кати, в котором она с друзьями впрягает своего пса Абрикоса в качестве тягловой силы в санки, соответствует подобному эпизоду из жизни Юры и Валеры).

Осознание ответственности перед прошлым помогает главному герою измениться, начать серьезнее относиться к настоящему, ценить, что имеет. Когда человек узнает свои исторические корни, у него появляется твердая почва под ногами и понимание вечных, общечеловеческих ценностей как собственных. Неслучайно общее фото, сделанное на памятном вечере, — описательная деталь, которая появляется в постпозиции, — становится для рассказчика символом связи поколений («Плечом к плечу! Взрослые рядом с растущими!» [Там же, с. 88]) и своеобразным ориентиром, которым он руководствуется, делая нравственный выбор.

Заключение

Архангелогородский текст в обеих повестях представлен на границе двух эпох (дореволюционной и послереволюционной у И. Полуянова; военной — послевоенной у С. Лойченко и М. Попова), что позволяет авторам сделать четче конфликты, резче очертить ситуацию нравственного выбора героев и в то же время выстроить городское пространство на бинарных оппозициях. У И. Полуянова это антитезы «бедность — богатство», «большевики — белогвардейцы», «старый мир — новый мир»; в повести «Ребята с Гайдаровской улицы» — «прошлое — современность» (на примере образа старого полуразрушенного дома), «молодежь — ветераны», «окраины — центр города», «Архангельск — село», «Архангельск — Кегостров». Однако следует отметить, что в повести «Седьмой патрон» восприятие истории, взаимоотношения прошлого и настоящего более сложное. Это, видимо, связано с неоднозначностью восприятия рассказчиком Гражданской войны, в которой сражаются друг с другом представители одного народа и в перипетиях которой ему, современнику событий, разобраться непросто. У С. Лойченко и М. Попова позиция рассказчика — стороннего наблюдателя и исследователя истории — более определена: он четко понимает, где в Великой Отечественной войне свои, а где — чужие.

Специфика архангелогородского текста в обоих произведениях подчинена точке видения героя-рассказчика, которая во многом обуславливает и жанрово-композиционную структуру. Оба автора используют жанр повести-воспитания, для их героев Архангельск — это город детства. В воспоминаниях Сережи у Д. Полуянова он дан не только в топографических и географических подробностях, но и связан с вневременными для героя ценностями (семья, любовь, природа). Дневник Юры у С. Лойченко и М. Попова написан по недавним впечатлениям рассказчика, поэтому в нем много эмоционально-психологических деталей, но немного примет привычной и обыденной для ребенка местности, а ярко выраженные черты городского текста возникают во вставных повествовательных жанрах, воссоздающих образ прошлого (дневники Кати, воспоминания Полетаева и Анны Тимофеевны, газетные статьи и пр.). Иными словами, структура городского текста актуализируется в связи с категорией прошлого, пространство словно втягивается в историческое время, а центральными мотивами, которые помогают читателю и героям увидеть элементы урбанистического пространства, становятся мотивы памяти или узнавания (Сергей вспоминает о юности спустя годы, Юра заново узнает свой город, соприкасаясь с его историей). Пространственные векторы развития героев в повестях различны: рассказчик И. Полуянова чем дальше удаляется от Архангельска, расширяя пространство (Крым — финальная точка пути), тем взрослее и жестче становится, а Парамонов у С. Лойченко и М. Попова взрослеет, оставаясь в пространстве города (в тексте нет мотива пути, а образ Северной Двины упомянут в довоенных дневниках Кати и в эпизоде переправы на Кегостров только как описательная подробность), погружаясь в глубины его истории, становясь причастным судьбам его жителей.

На примере рассказчика из повести «Ребята с Гайдаровской улицы» очевидно, что время стирает с архангелогородцев черты северорусской идентичности: ни привычной для мальчишек из Архангельска мечты о море, ни поморской любви к рыбалке, ни примет северорусского говора в речи не увидит читатель в образах Юры и его одноклассников; они забыли старые названия улиц своего города (разгадывая дневники 1940-х годов, не понимают сразу, что «Арс» — название кинотеатра и пр.), зато рассказчик уверенно использует в речи привычные советским школьникам штампы. Для Кати же, юность которой выпадает на 1940-е, актуальны дореволюционные местные годо-

нимы («на Быку»). Пафос повести С. Лойченко и М. Попова явно просветительский, авторы призывают читателей помнить историю своего края, не забывать о людях, чьими делами она создавалась. Мотив преемственности поколений также сближает обе повести (Сергей продолжает революционное дело своего погибшего отца, а школьники 1980-х годов чтят память о войне). Возможно, эту ответственность перед прошлым за то, как ты сам живешь, и следует определять как одну из черт северорусского характера, каким его видят писатели-северяне второй половины XX века.

Список источников

1. Антипина А. С. Архангельск в путевой литературе: варианты авторского восприятия местности // Вестник Костромского государственного университета. — 2016. — Т. 22, № 3. — С. 121–125.
2. Антипина А. С. Архангельск в «Северном дневнике» Ю. П. Казакова: идеология и мифопоэтика // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2015. — № 10 (163). — С. 190–194.
3. Асонова Е. А. Городской текст детской литературы // Читатель в городе: город — как учебник, город — как мастерская, город — как место для творчества / под ред. Е. М. Асоновой, Е. С. Романичевой. — М., 2017. — С. 9–14.
4. Бараханова Н. В. К семиотике «городского текста» в русской литературе // Казанская наука. — 2021. — № 6. — С. 7–9.
5. Валиуллина Р. Р. Образ Казани в контексте проблемы городского текста // Наука и школа. — 2020. — № 6. — С. 20–30.
6. Галимова Е. Ш. «Здесь у края российской земли всей земли ощутимо пространство...» (образ Архангельска в поэзии Вадима Беднова) // М. В. Ломоносов и полиязыковое информационно-образовательное пространство: материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. — Архангельск, 2012. — Ч. 2. — С. 136–142.
7. Галимова Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) гуманитарного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». — 2012. — № 1. — С. 121–129. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kaklokalnogo-sverhteksta> (дата обращения: 10.03.2025).
8. Дранникова Н. В. Образ Архангельска в устных высказываниях горожан // Экология культуры. — 2006. — № 2. — С. 43–52.
9. Дымченко А. С. Историческая проза о Петровской эпохе в Архангелогородском локальном тексте: романы «Петр Первый» А. Н. Толстого и «Россия молодая» Ю. П. Германа // Вестник Костромского государственного университета. — 2019. — Т. 25, № 2. — С. 154–158.
10. Карманова (Ноева) С. Е. «Город на костях»: апокалиптические образы и мотивы Якутска в аспекте городского текста // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2020. — № 2 (31). — С. 122–133.
11. Королькова П. В. Современная литературная сказка в пространстве «городского текста»: опыт русской, чешской и венгерской литературы // Русская литература XX–XXI вв. в современном мире: авторские стратегии : материалы Междунар. науч. конф. — М., 2020. — С. 64–65.
12. Кудинова И. Ю. Сибирский город в художественной литературе // Дискуссия. — 2012. — № 6. — С. 21–26.
13. Кузнецова А. В., Петрулевич И. А. Городской текст: семиозис культурного кода // Социально-гуманитарные знания. — 2019. — № 11. — С. 89–95.
14. Лимерова В. А. Архангельск в сочинениях М. Ф. Истомина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». — 2012. — № 4. — С. 97–103.
15. Лойченко С. Н., Попов М. К. Ребята с Гайдоровской улицы. — Архангельск : Северо-запад. Книж. изд-во, 1987. — 90 с.
16. Набилкина Л. Н. Городской текст как феномен культуры // Культура и цивилизация. — 2024. — Т. 14, № 2-1. — С. 219–224.
17. Ноева (Карманова) С. Е. Особенности поэтики и структуры городского текста в якутском геокультурном ландшафте // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. — 2021. — № 3 (83). — С. 93–105.
18. Падун Т. В. Репрезентация категории «городской текст» в современном литературоведении // Вопросы общего языкознания и теории текста : сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Кормиловой, Н. Ю. Шугаевой. — Чебоксары, 2018. — С. 194–197.
19. Петрова Е. А. Лондонский текст как отражение языка города в художественном произведении // Успехи гуманитарных наук. — 2022. — № 11. — С. 134–138.
20. Полуянов И. Д. Седьмой патрон. — Архангельск : Северо-запад. книж. изд-во, 1981. — 123 с.
21. Попова Л. Д. Образы Архангельска в мемуаристике и записках путешественников // Геополитика Севера в русской литературе и текстах культуры народов циркумполярного мира. Поморские чтения по семиотике культуры / под ред. Н. М. Теребихина. — Архангельск, 2016. — Вып. 9. — С. 124–139.
22. Потанина Н. Л., Гололобов М. А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. — 2012. — № 1 (7). — С. 32–37.

23. Пугачева Е. Н. Языковые средства представления пространства в городском тексте // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2022. — № 2 (61). — С. 152–161.
24. Соловьева А. Н., Соловьева Т. А. Образ города в структуре социальных представлений о Севере (на примере Архангельска) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». — 2019. — № 6. — С. 112–120.
25. Степаненко Т. А. Лингвистические особенности городского текста // Актуальные вопросы современной иноязычной филологии : сб. науч. ст. XXXIV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 175-летию И. Я. Яковлева / под ред. Н. В. Кормиловой, Н. Ю. Шугаевой. — Чебоксары, 2023. — С. 446–450.
26. Тулякова Н. А., Крылова И. А. Семиотика городского пространства в детской прозе Александра Житинского // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2, Искусствоведение. Филологические науки. — 2022. — № 3. — С. 154–161.
27. Урванцев Г. В. Люди как неотъемлемая часть городского пространства в художественном тексте // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». — СПб., 2016. — С. 486–492.
28. Фоменко В. Г. Особенности исследования структуры городского текста в художественном произведении // Восточнославянская филология. Литературоведение. — 2019. — № 8 (32). — С. 119–124.

References

1. Antipina A. R. Arkhangelsk in travel fiction: Variants of the author's perception of the area. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Kostroma State University]. 2016, vol. 22, iss. 3, pp. 121–125. (In Russian).
2. Antipina A. R. Arkhangelsk in Yu. P. Kazakov's "Northern Diary": Ideology and Mythopoetics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2015, iss. 10 (163), pp. 190–194. (In Russian).
3. Asonova E. A. *Urban text in children's literature. Chitatel v gorode: gorod kak uchebnik, gorod kak masterskaya, gorod kak mesto dlya tvorchestv*. Pod red. Ye. M. Asonovoy, Ye. S. Romanichevoy. [The reader in the city: The city as a textbook, the city as a workshop, the city as a place for creativity. Ed. by E. M. Asonova, E. R. Romanicheva]. Moscow, 2017, pp. 9–14. (In Russian).
4. Barakhanova N. V. On semiotics of the "urban text" in Russian Literature. *Kazanskaya nauka*. [Kazan Science]. 2021, iss. 6, pp. 7–9. (In Russian).
5. Valiullina R. R. The image of Kazan in the context of the problem of urban texts. *Nauka i shkola*. [Science and school]. 2020, iss. 6, pp. 20–30. (In Russian).
6. Galimova E. Sh. "Here, at the edge of Russia, the space of the whole land is tangible..." (the image of Arkhangelsk in Vadim Bednov's poems). *M. V. Lomonosov i poliyazykovoye informatsionno-obrazovatelnoye prostranstvo: materialy Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch*. [M. V. Lomonosov and polylingual information and educational space: Proceedings of international scientific conference: in 2 pts.] Arkhangelsk, 2012, pt. 2, pp. 136–142. (In Russian).
7. Galimova E. Sh. Specificity of the northern text of Russian literature as a local supertext. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) gumanitarnogo universiteta*. Ser. "Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki". [Bulletin of Northern (Arctic) Humanitarian University. Series "Humanities and social sciences"]. 2012, iss. 1, pp. 121–129. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/view/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kak-lokalnogo-sverhteksta> (accessed: 10.03.2025). (In Russian).
8. Drannikova N. V. The image of Arkhangelsk in oral statements of its citizens. *Ekologiya kultury*. [Ecology of Culture]. 2006, iss. 2, pp. 43–52. (In Russian).
9. Dymchenko A. p. Historical prose about the Peter the Great's era in Arkhangelsk texts: A. N. Tolstoy's novel "Peter the Great" and Yu. P. German's "Young Russia". *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Kostroma State University]. 2019, vol. 25, iss. 2, pp. 154–158. (In Russian).
10. Karmanova (Noeva) S. E. "City built on bones": Apocalyptic images and motifs of Yakutsk as components of urban text. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. [North-Eastern Humanitarian Bulletin]. 2020, iss. 2 (31), pp. 122–133. (In Russian).
11. Korolkova P. V. Modern literary fairy tale in the space of "urban text": cases in Russian, Czech and Hungarian literatures. *Russkaya literatura XX–XXI vv. v sovremennom mire: avtorskiye strategii: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Russian literature of the 20th–21st centuries in the modern world: Authors' strategies: Proceedings of International scientific conference]. Moscow, 2020, pp. 64–65. (In Russian).
12. Kudinova I. Yu. Siberian cities in fiction. *Diskussiya*. [Discussion]. 2012, iss. 6, pp. 21–26. (In Russian).
13. Kuznetsova A. V., Petrulevich I. A. Urban text: semiosis of the cultural code. *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya*. [Social and humanitarian knowledge]. 2019, iss. 11, pp. 89–95. (In Russian).
14. Limerova V. A. Arkhangelsk in the works of M. F. Istomin. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta*. Ser. "Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki". [Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series: "Humanitarian and social sciences"]. 2012, iss. 4, pp. 97–103. (In Russian).
15. Loychenko R. N., Popov M. K. *Rebyata s Gaydarovskoy ulitsy*. [The Boys from Gaydar Street]. Arkhangelsk Book Publ., 1987, 90 p. (In Russian).

16. Nabilkina L. N. Urban text as a cultural phenomenon. *Kultura i tsivilizatsiya*. [Culture and civilization]. 2024, vol. 14, iss. 2-1, pp. 219–224. (In Russian).
17. Noeva (Karmanova) S. E. Features of poetics and structure of the urban text in Yakut geocultural landscape. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M. K. Ammosova*. [Bulletin of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov]. 2021, iss. 3 (83), pp. 93–105. (In Russian).
18. Padun T.V. Representation of the “urban text” category in modern literary criticism. *Voprosy obshchego yazykoznaniya i teorii teksta: sb. nauch. st. Pod red. N. V. Kormilinoi, N. Yu. Shugayevoy*. [Issues of general linguistics and text theory: collection of scientific articles. Ed. by N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva]. Cheboksary, 2018, pp. 194–197. (In Russian).
19. Petrova E.A. London text as a reflection of the language of the city in works of fiction. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*. [Achievements in the humanities]. 2022, iss. 11, pp. 134–138. (In Russian).
20. Poluyanov I. D. *Sedmoy patron*. [The Seventh Cartridge]. Arkhangelsk, Severo-Zapadnoye Book Publ., 1981, 123 p. (In Russian).
21. Popova L. D. Images of Arkhangelsk in memoirs and travel notes. *Geopolitika Severa v russkoy literature i tekstakh kultury narodov tsirkumpolyarnogo mira. Pomorskiye chteniya po semiotike kultury*. [Northern Geopolitics in Russian literature and cultural texts of the peoples of the circumpolar world. Pomorye readings on the semiotics of culture]. Iss. 9, ed. by N. M. Terebikhin. Arkhangelsk, 2016, pp. 124–139. (In Russian).
22. Potanina N. L., Gololobov M. A. Urban text as a theoretical problem. *Filologicheskaya regionalistika*. [Philological regional studies]. 2012, iss. 1 (7), pp. 32–37. (In Russian).
23. Pugacheva E. N. Linguistic means of representing space in urban texts. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*. [Oykumena. Regional studies]. 2022, iss. 2 (61), pp. 152–161. (In Russian).
24. Solovyeva A. N., Solovyeva T. A. The image of the city in the structure of social representations of the North (on the example of Arkhangelsk). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Ser. “Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki”*. [Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanities and social sciences”]. 2019, iss. 6, pp. 112–120. (In Russian).
25. Stepanenko T. A. Linguistic features of the urban text. *Aktualnyye voprosy sovremennoy inoyazychnoy filologii: sb. nauch. st. XXXIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 175-letiyu I. Ya. Yakovleva pod red. N. V. Kormilinoi, N. Yu. Shugayevoy*. [Relevant issues of modern foreign-language philology: collection of scientific articles. 34th International scientific and practical conference dedicated to the 175th anniversary of I. Ya. Yakovlev. Ed. by N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva]. Cheboksary, 2023, pp. 446–450. (In Russian).
26. Tulyakova N. A., Krylova I. A. Semiotics of urban space in Alexander Zhitinsky’s children’s fiction. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Ser. 2, Iskusstvovedeniye. Filologicheskiye nauki*. [Bulletin of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2, Art Criticism. Philological Sciences]. 2022, iss. 3, pp. 154–161. (In Russian).
27. Urvantsev G. V. People as an integral part of urban space in fiction. *Lingvokultura i kontseptualnoye prostranstvo yazyka. Series “Kontseptualnyy i lingvalnyy miry”*. [Lingvoculture and conceptual space of language. Series: Conceptual and lingual worlds]. St. Petersburg, 2016, pp. 486–492. (In Russian).
28. Fomenko V. G. Aspects of study of the structure of urban text in fiction. *Vostochnoslavianskaya filologiya. Literaturovedeniye*. [Eastern Slavic philology. Literary criticism]. 2019, iss. 8 (32), pp. 119–124. (In Russian).

Информация об авторе

Давыдова Алёна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

Сферы научных интересов: северный текст русской литературы, детский текст, история русской литературы XX–XXI веков.

Information about the author

Davydova Alena Vladimirovna — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of literature of the Higher school of social sciences, humanities and international communication at Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.

Research interests: northern text in Russian literature, children’s fiction, history of Russian literature of the 20th — 21st centuries.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; принята к публикации 14.06.2025.
The article was submitted 11.03.2025; accepted for publication 14.06.2025.